

---

УДК 811.511.22  
DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-108-117

**Языковая репрезентация внешнего образа хакасского мужчины:  
семантико-когнитивный аспект описания  
(по материалам художественных произведений)**

**М. Д. Чертыкова**

*Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии  
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия*

*Аннотация*

Статья посвящена выявлению и описанию внешнего облика хакасского мужчины в семантико-когнитивном аспекте. Материалом для исследования послужили данные из художественных текстов на хакасском языке. Словесное портретирование хакасского мужчины репрезентируется разноуровневыми (в основном, синтаксическими и лексическими) языковыми средствами. Ключевыми же единицами являются *сынныг* ‘с ростом’, *хара сас* ‘черные волосы’, *хара харахтар* ‘черные глаза’, *хара сагаллыг* ‘с черными усами (бородой)’, *час* ‘лет’ (о возрасте), *чиит* ‘молодой’, *киир* ‘старый’ и др. Также в дискурсивный контекст включаются соматизмы в сочетании с характеризующими словами. Во внешнем образе хакасского мужчины акцентируются чаще такие смысловые детали, как рост, физическая сила, возраст, одежда, черты лица.

*Ключевые слова*

хакасский язык, художественный текст, внешний образ, мужчина, описание

*Благодарности*

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Когнитивный и идеографический аспекты реконструкции образа человека по данным языков коренных народов Сибири (на примере хакасского, бурятского и хантыйского языков)» (№19-012-00080)

*Для цитирования*

*Чертыкова М. Д. Языковая репрезентация внешнего образа хакасского мужчины: семантико-когнитивный аспект описания (по материалам художественных произведений) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39). С. 108–117. DOI 10.25205/2312-6337-2019-1-108-117*

© М. Д. Чертыкова, 2020

ISSN 2312-6337  
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39)  
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 1 (iss. 39)

## Linguistic representation of the external image of a Khakass man: semantic-cognitive aspect of description (based on literary works)

M. D. Chertykova

*Institute of Humanitarian Research and the Sayan-Altai Turkology of Katanov Khakass State University*

### Abstract

The article aims to identify and describe the external image of a Khakass man in a semantic-cognitive aspect. The research was based on the data from the artistic works of the Khakass language. Revealing a common image of a Khakass man from fiction is not an easy task, since the artistic text, as an integral and structured system of linguistic means, is characterized by the uniqueness and openness of the ideological space. It is known that artistic works are characterized by genre categories and are created according to the laws of individual perception and associative thinking of the author. Moreover, in addition to depicting living space, including the characters, fiction always has a subtext and implicit meaning. Thus the descriptions tend to reflect the secondary reality. Taking all these issues into account, the following aspects were analyzed: what lexical and syntactical meaning is given to the image of a Khakass man; how semantic details are emphasized when depicting growth, physical strength, age, clothing, and facial features; what names of body parts and internal organs, combined with characterizing words, are included in the context of describing the appearance of a man (in ordinary and extreme situations).

The verbal portray of a Khakass man is represented by multilevel (mainly syntactic and lexical) linguistic means. The key units are *sinnig* “tall”, *xara sas* “black hair”, *xara xaraxtar* “black eyes”, *xara sagallig* “with black mustache (beard)”, *čas* “years”, *ciit* “young”, *kiir* “old” and etc. The discursive context also includes somatisms (the names of body parts and internal organs) in combination with characterizing words. The external image of a Khakass man is more likely to emphasize such semantic details as height, physical strength, age, clothes, and facial features.

### Keywords

Khakass language, literary text, external image, man, description

### Acknowledgements

The work was carried out with the financial support of the grant of RFBR No. 19-012-00080 “Cognitive and ideographic aspects of reconstruction of an image of the person according to languages of indigenous people of Siberia (on the example of the Khakass, Buryat and Khanty languages)”

### For citation

Chertykova M. D. Jazykovaja reprezentacija vneshnego obraza hakasskogo muzhchiny: semantiko-kognitivnyj aspekt opisaniya (po materialam hudozhestvennyh proizvedenij) [Linguistic representation of the external image of a Khakass man: semantic-cognitive aspect of description (based on literary works)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 1 (iss. 39), pp. 108–117. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-108-117

Цель статьи – выявить средства описания внешнего облика хакасского мужчины и определить его образ в художественных текстах на хакасском языке с семантико-когнитивной точки зрения. Отметим, что выявление единого образа хакасского мужчины на материале художественных произведений – непростая задача, поскольку художественный текст как цельная и структурированная система языковых средств отличается уникальностью и открытостью идейного пространства. Известно, что художественные произведения характеризуются жанровыми категориями и создаются по законам индивидуального восприятия и ассоциативно-образного мышления автора. При этом, помимо изображения жизненного пространства, включая персонажей, художественная литература всегда обладает подтекстным и имплицитным смыслом, тем самым в описаниях обычно присутствует вторичная действительность. Исследованию языка художественного произведения в литературоведении, философии и лингвистике посвящено немало работ [Бахтин, 1976; Рубцова, 2017 и др.]. Тематика образа человека в хакасском языке с лингво-

когнитивных позиций разрабатывается впервые. В данной работе использованы относительно новые когнитивные, лингвокультурологические и прагматилистические методы и принципы, использованные в работах Ю. Д. Апресяна [1995], Н. Д. Арутюновой [1999] и др. Языковой образ человека отличается целостностью, многогранностью своего проявления и, соответственно, обуславливается необходимостью разработки комплексных методов его исследования. Тем самым лингвистические приёмы портретирования человека учитывают лингвокультурологические, лексические, синтаксические и морфологические аспекты исследования.

Н. Д. Арутюнова в концепте «образ» отмечает два особенно важных момента: «1) установление корреляции между формой (достаточно определенной) и не определенным содержанием; 2) размежевание между тем, что считается принадлежащим объективному миру и тем, что локализовано в пространстве сознания» [1999, с. 323]. Из сказанного следует, что языковой образ человека на начальном этапе представляется во внешней и внутренней формах. Далее каждая из этих форм актуализирует различные ипостаси: внешние и внутренние качества, принадлежность к определенной среде, умственные, эмоциональные и поведенческие характеристики человека. В задачи нашего лингвистического анализа текстов художественных произведений входит изучение внешнего облика хакасского мужчины. При этом к внешней сфере художественного персонажа мы относим информацию о его внешнем облике, включающем манеры поведения, одежду, фигуру, черты лица и т. д., которая репрезентируется средствами различных языковых уровней.

Как показывает наш материал, наиболее значимым и важным в характеристике персонажа является общее изображение его наружности, тем самым писатель передает не только представление о социальном статусе и личных качествах героя, но и свое оценочное отношение к нему. Примеры: *Пістің классар Тимур килібіскен. Сіліг, позда оол. Кискен кибі агаа өнетін тігілген осхас, чалтырама. Көп хызыцах, андар көріп, улуг тын сал турчаң* (Ит, 154) ‘В наш класс пришел новичок Тимур. Здоровый, красивый парень. Его красивая одежда казалась сшитой специально для него. Многие девочки, смотря на него, тяжело вздыхали’; *Пүдізі Ачаң абаазының сылагай арах. Сыны пөзік. Содаң теер тон кис салтыр. Путьхал парган састары хара киндір осхас, сырайына чапсынглап партыр. Пірееде пыроланчатхан харатарында тарыныс көрін килче* (Ит, 125) ‘[Его] старший брат Ачан был немного стройным. Высокий [ростом]. В старенькой короткой шубе. [Его] растрепанные волосы, как черная конопля, прилипли к лицу. В [его] виноватых глазах иногда проскальзывает злость’. В этих примерах описываются характерные приметы во внешности мужчины: рост, фигура и одежда.

Одним из важных смысловых деталей в образе мужчины является его рост (*сын*), который может быть: *пөзік* ‘высокий’, *ортымах* ‘средний’, *чабыс* ‘низкий’. *Аның аарлыг көлөнізі – пу пөзік махачы оол* (Кх, 14) ‘[Ее] дорогая любовь – этот **высокий** отважный парень’; *Ана анаң бригадир Орозмат піссер, от сабындызынзар, пөзік, пүгір арах, сол азагына ахсах солдат агыл килген* (Д, 16) ‘Затем бригадир привел к нам на сенокос **высокого**, чуть горбатого, хромящего на левую ногу солдата’. Приведенные прилагательные имеют широкую семантику, в силу чего они способны характеризовать не только рост человека, но и другие объекты: *пөзік таг* ‘высокая гора’, *чабыс сиден* ‘низкий забор’, *ортымах школа* ‘средняя школа’ и т. д. Однако при сочетании с существительным *сын* ‘рост’ с аффиксом обладания *-ныг* (*сынныг* ‘с ростом’) определяется рост человека: *чабыс сынныг* ‘низкорослый, низкого роста’, *пөзік сынныг* ‘высокого роста’, *ортымах сынныг* ‘среднего роста’. Примеры: *Алнында чабыс сынныг Лопатиннің орнына пөзік кізі көні пас килиген* (Ит, 120) ‘Ему навстречу, вместо **низкорослого** Лопатина, прямо шел высокий человек’; *Хадарарга халган чабыс сынныг солдат, тастына улуг тулуп кис салганда, кічичегес тогылах арах көпөнге төдй көрінген. Ол солдаттың ады Мачай полган* (Ит, 116) ‘Когда оставшийся караулить **низкорослый** солдат надел тулуп, он смотрелся как маленький круглый пень. Звали этого солдата Мачай’.

Лексема может допускать индивидуальные, непривычные сочетания, которые мы склонны относить к авторским: *тохчах сынныг* ‘короткого роста (о низком и толстом человеке); коротышка’, *узун сынныг* ‘высокого (букв. длинного) роста’, *арбын сынныг* ‘крупного роста’. Примеры: *Орай ширде хыс тутхын-*

нап килген чурттың туюх аңмарында **тохчах сынныг** Олакай, тітіресчеткен холларынаң хурын чир дее орта палган полбин, төзек хырында талтайып тур салган (Кх, 13) ‘Поздно вечером в закрытом амбаре дома, куда привезли девушку, **коротышка** Олакай стоял возле кровати, расставив ноги, и никак не мог трясушимися руками завязать пояс [своих] штанов’; *Толька кил көр! Ух тазыли ла түзер, – ырганыза түскен сылых хан тутхынчыларзар кічицек мылтиин көстебіскен узун сынныг, ніскечек чалаң оол* (Кх, 17–18) ‘Только попробуй подойти! Получишь пулю! – **высокий** (букв. с длинным ростом) худощавый всадник направил [свое] ружье на красных от крови похитителей (девушки)’; *Мал соонча ніскечек азахтыг, погда сынныг оол пастырчатхан* (Чх, 12) ‘Следом за скотом шел **крупный** (букв. крупного роста) парень с тонкими ногами’; *Арминек – арбын сынныг, сыырах паза тіспен оолах* (То, 10) ‘Арминек – крупный (букв. ростом крупный), сильный и трудолюбивый мальчик’.

В хакасском языке рост может также определяться сочетанием существительного *сын* с аффиксом принадлежности =ы и прилагательного, стоящего в постпозиции, например: *сыны хысха* ‘низкого роста’ (букв. рост [его] короток), *сыны узун* ‘высокого роста’ (букв. рост [его] высок) и т. д.: *Сыны хысха, сым одыр полбас бригадир, тізең, пөзік Даниярның хырында сиртеңнеес суг көгілдіцегіне төйі көрінген* (Д, 16) ‘Подвижный, **невысокий** (букв. короткий) **ростиком** бригадир возле высокого Данияра был похож на кокетливого речного кулика’.

В художественном описании внешности мужчины обращается внимание на его одежду. Данная содержательная тема развертывается различными языковыми способами (лексическими, морфологическими, синтаксическими), что соотносится с ситуативными представлениями и образным строем персонажа. В подобных конструкциях обычно глагол *кис* = ‘надевать’ сочетается с наименованиями одежды: *Мин хара ыстан кизіп, ах көгенееме узун чачахтыг чібек хурымны хурчаныбызам, чачахтары, күн сузы чіли чилбірезерлер* (Чх, 12) ‘Я, надев черные штаны, повяжу на белую рубашку шелковый пояс, его кисточки будут колыхаться, как солнечные лучи’.

В описании внешности хакасского мужчины наименования одежды выступают с аффиксом обладания =лыг / =ліг; =ныг / =ніг; =тыг / =тіг: *Чаачы киптіг, пөрігі кеен иде хыйын, позы күлінмин дее көрче. Кірбік сагаллыг морсымныг ир осхас. Пот, хулахтары ла халбайысча* (Ит, 119) ‘В военной форме, шапка набекрень, сам смотрит улыбаясь. Кажется, такой достойный, усатый мужчина. Вот только уши торчат’; *Суглан парчатхан харахтарын кизідең чазырып, хызыл курткалыг чиит ирен соох тамбурда турган* (Ит, 11) ‘Пряча свои мокрые от слез глаза, молодой мужчина в красной куртке стоял в холодном тамбуре’.

Надо отметить, что в произведениях, описывающих жизнь хакасов дореволюционного периода, особое внимание обращается на национальную одежду персонажей, характерную для того времени. *Хызыл көгенектіг, торғы хурлыг оол чар үстүнде чалаң турыбысхан. Махалыг, хал тутхынчы полган ол* (Кх, 12) ‘Парень, всадник в красной рубашке с шелковым поясом, остановился на берегу. Он был отважным, буйным похитителем (девушек)’. Мы считаем, что упоминание писателем в тексте национальной одежды (в данном примере – мужской рубашки с шелковым поясом) связано с необходимостью реализовать значение национальной одежды как фрагмента информации о хакасской традиционной картине мира.

В создании художественного образа хакасского мужчины немаловажное значение имеет описание его лица, которое характеризует его как личность и раскрывает внутренний мир человека. Как правило, здесь выделяются словосочетания *хара сас* ‘черные волосы’ и *хара харахтар* ‘черные глаза’, *күрең сырай* ‘тёмное (букв. коричневое) лицо’, *хара хамах* ‘темный (букв. черный) лоб’ и др. *Ол сибірек хара састыг, түзік хара хамахтыг оол – Сакис полган* (Кх, 13) ‘Этот парень с волнистыми черными волосами и низким черным лбом был Сакис’; *Ол күрең сырайлыг, ачых хара харахтыг чиит оол, апсахнаң чоохтасхан аразында, позынзар харах сыгын салып одырган* (БІа, 28) ‘Этот молодой человек, с темным (букв. коричневым) лицом, открытыми черными глазами, во время разговора со стариком посматривал [на нее] и подмигивал’; – *Көріңер прай ибіре. Табырах! – аахтаан тутхын пастагчызы, аппагас тістіг, чабызах хара хамахтыг ирен* (Кх, 9) ‘– Осматривайте всё вокруг! Живо! – кричал предводитель похитителей (девушки), белоzubый, с черным низким лбом, низкорослый мужчина’.

В хакасской литературе, независимо от гендерной принадлежности персонажа, глаза часто сравниваются с черемухой (*нымырт (осхас) харахтар* ‘глаза (как) черемуха’), с черной смородиной (*харагат (осхас) харахтар* ‘глаза (как) смородина’). При этом в акцентировании черных глаз приводится сравнение именно с поспевшей черемухой или смородиной, для этого используется глагол *пыс*= ‘созревать’ в причастной форме: *пыс пар=ган, пыс=хан* ‘созревший’: *Ачис – айдас оолах. Чахсы үгрэнче, анаң кил көрүмнүг. Тегілек толдыра сырайлыг, пыс парган хара харагат осхас хара харахтыг* (То, 14) ‘Ачис хороший мальчик. Хорошо учится, ну, и видный. С круглым лицом, с черными, как спелая смородина, глазами’; *Ол Тоёңзар, пысхан нымырт осхас, хара харахтарын хази көрбіскен, олох көрізін Арина Петровназар тастаан* (Ыа, 28) ‘Он внимательно посмотрел на Тоёна своими черными, как спелая черемуха, глазами, затем бросил взгляд на Арину Петровну’. Следует отметить, что черные глаза и черные волосы – это типичные внешние признаки как мужчин, так и женщин, свидетельствующие об их принадлежности к хакасскому народу.

В портретировании персонажей особое внимание уделяется глазам, поскольку они отражают весь психоэмоциональный и ментальный мир человека. Согласно контекстам литературного дискурса, глаза у хакасских мужчин могут быть не только черными, как спелая черемуха или смородина, но и задумчивыми, глубокими, злыми, веселыми и т. д. *Ачых-чарых иптүг ах сырайлыг, сагысха түсчөткөн осхас тирең хара харахтыг оол. Ол пісті история, литература, хоос хоостирга үгреткен* (То, 4) ‘Добродушный, видный, белолицый, с глубокими, задумчивыми черными глазами парень. Он обучал нас истории, литературе, рисованию’.

Однако в описании лица персонажей часто встречаются и индивидуальные черты лица, например, *игір нурун* ‘кривой нос’, *сарсых ах тастаан харах* ‘единственный глаз с бельмом’, *көк харахтар* ‘синие глаза’: *Кабрүс, сарсых ах тастаан харагын тогыландыра көрбізіп, хуластанарга маңнанган* (Кх, 18) ‘Кабрус успел замахнуть, вытаращив свой единственный глаз с бельмом’; *Лампа чариина аның игір пурны уламох улуг, көк харахтары торыспайыс турганнар. Чірік ирнін өтіре тістері ырсайысханнар* (Чх, 17) ‘В свете лампы его кривой нос стал еще больше, синие глаза таращились. Сквозь разбитые губы белели зубы’. Кодовые выражения *көк харахтар* ‘синие глаза’, *сарыг сас* ‘светлые, рыжие (букв. желтые волосы)’ почти всегда включаются в описание образа русских: *Ана ол туста, тогырхы сиденге чөлене турып, өтіг көк харахтыг, хойыг көміскеліг орыс ирен пос алынча пазын чайхаан: – Ай-ай-ай-ай... Беда, беда...* (Кх, 19) ‘Как раз в это время возле забора напротив русский мужчина, с выразительными синими глазами и густыми бровями, стоял, качая головой и [говорил]: – Ай-ай-ай-ай... Беда, беда...’; *Хачан пу сарыг састыг, андагох сарыг түктүг сырайлыг, ариинча көңні чатпинчатхан, таныс нимес кізінің хольында ээзінің хамчызы силе түскенде, чохыр адай тастых ойлаан* (Ыа, 12–13) ‘Когда в руках этого незнакомого, чуждого человека, с рыжими (букв. желтыми) волосами и с такой же рыжей (букв. желтой) бородой, засвистела плеть ее хозяина, пестрая собака отбежала в сторону’. Индивидуальные черты хакасского мужчины отображаются не только на его лице, но и во всем теле, в фигуре: *Даниярның узун, ніскечек азахтары, амох ла суурын парардаг, чалбах түрейліг кирза өдіктерде салбахтасханнар* (Д, 19) ‘Длинные, тонкие ноги Данияра бултыхались в кирзовых сапогах’.

При описании лица мужчины, как правило, отмечаются усы (*кірбе сагал*) и борода (*сагал*). *Ағбай парган пухалых сагаллыг Сибуча хысхацах ніңнерінең азыра сырайчатхан сөк холларын столга саап одырған* (Кх, 14) ‘Сибуча, с отросшей, запутанной бородой, сидел и ударял об стол свои костистые руки, торчащие из коротких рукавов’. Часто встречается контекстуальное акцентирование цвета усов и бороды. При этом хакасские мужчины предстают как обладатели черных усов и бороды (*хара сагаллыг* ‘с черными усами (бородой)’), а русские мужчины – светлых (*сарыг сагаллыг* ‘с рыжими усами (бородой)’). *Сагдай, ортылап парган, хара кірбе сагаллыг ирен, чочыбишаң тура хонган* (Ыа, 8) ‘Сагдай, мужчина средних лет с черными усами, испугался и соскочил с места’; *Анаң сарыг сагаллыг орыс ирен кізі сых килген, соонаң Пычон наган улап салган сыхча* (Ыа, 27) ‘Оттуда вышел русский мужчина с рыжей бородой, за ним, направив на него наган, выходит Пычон’.

Словесное изображение черт лица является также одним из распространенных литературных приемов раскрытия характера героя и его психологического состояния. Данный вид описания в литературе именуется психологическим портретом. Описание особенностей губ, глаз, бровей дают представление не только о жизни героя, но и об отношении писателя к нему: *Хайдаг-да чабал, угаа хахастыг ниме сагынып алган одыр пу сізік сырайлыг, ікі ээктіг, терпек хазан түңдерген осхас пастыг тадар* (БІа, 30) ‘Кажется, задумал что-то недоброе и очень странное этот хакас, **с опухшим лицом, с двумя подбородками и с головой, как перевернутый котел**’. Описываемые автором внешние качества отрицательного героя, хакасского мужчины (опухшее лицо, двойной подбородок, большая круглая голова), соответственно, вызывают к нему читательскую антипатию. А образ положительного героя вызывает теплые чувства: *Даниярның ахсы пулуңнарында хатыг тырысахтыг ніске ирнілері хақан даа ник пүре тудылых полчаңнар, харахтары амыр, чобаглыг көрчеңнер, ээлчек көміскелері ле аның сөбк-саах, хақан даа майың сырайын тіргісчеңнер. Піреде ол, пасхаларына пілдістіг нимес ниме ис салган чілі, сиргектенібісчең, андада көміскелері өөр учухчаңнар паза харахтары пілдізі чох хайхаснаң көрчеңнер. А соонаң ол күлінчең паза нимее-де өрінчең* (Д, 16) ‘Тонкие губы **с глубокими морщинами между уголками рта** Данияра всегда были плотно закрыты, **глаза были спокойными и грустными** (букв. смотрели спокойно и грустно), только **подвижные брови** оживляли его бледное лицо. Иногда он замирал, как будто услышал то, что неизвестно другим. Тогда его брови летели вверх и глаза смотрели как-то загадочно. Затем он улыбался и чему-то радовался’. В данном предложении важными смысловыми деталями являются соматические единицы в сочетании с характеризующими словами: *хатыг тырысахтыг ніске ирнілері* ‘[его] тонкие губы с глубокими (букв. с твердыми) морщинами’, *ээлчек көміскелері* ‘[его] подвижные брови’, *майың сырайы* ‘[его] бледное лицо’, которые содержат положительную коннотацию. Изображенные в композиционном единстве особенности функций отдельных частей лица (описание настроений и размышлений): *харахтары амыр, чобаглыг көрчеңнер* ‘[его] глаза смотрели спокойно и грустно’, *көміскелері өөр учухчаңнар паза харахтары пілдізі чох хайхаснаң көрчеңнер* ‘брови летели вверх и глаза смотрели как-то загадочно’ – подчеркивают объективные и индивидуальные качества героя. В результате использования таких средств мы получаем относительно полный и выразительный образ человека. Тем самым соматизмы с характеризующими элементами в портретном описании героя используются автором как стержень, на который нанизывается информация об индивидуализации образа. «Структурно-идентифицирующие соматизмы называют черты внешности, которые либо присущи отдельным персонажам, либо являются для них решающими при определенных обстоятельствах» [Саликова, 2013, с. 245–246].

К категории индивидуализации и неповторимости образа героя, хакасского мужчины, относится и описание его внешности в определенных, экстремальных ситуациях, где приобретают особую значимость включенные в дискурсивный контекст соматизмы в совокупности с характеризующими словами. *Таныс нимес чиит оол өліг чілі пілдірген. Аның ирнілері азых, көбелері көк, сахар осхас ах тістері чапсыныс парган осхастар. Оң чыхчозында көк чатча, хара састары ханга чаба хатхлап партырлар* (БІа, 13) ‘Незнакомый молодой парень казался мертвым. Его **губы были открыты, десна синими**, белые, как сахар, зубы были замкнуты. На правом виске был синяк, черные волосы слиплись от высохшей крови’; *Ана анчада хызыл сии тырбахтат салган, халбах ирні уламох чамдыхти халбайта сіс парган Олакай кире салган* (Кх, 14) ‘В этот момент зашел Олакай, весь исцарапанный до крови, его **толстые губы** опухли еще больше’; *Нанчым хая үстүнде, учугарга итчеткен ылачын чілі, турган. Хырлаң пурны андарох чап хустар хаахазына кибірліг көрінген. Ніске хара харахтарында махачызы пілдірген* (То, 10) ‘[Мой] друг стоял на вершине скалы, как сокол, готовящийся к полету. [Его] **нос [с отчетливо очерченными ноздрями]** был похож на клюв хищных птиц. В [его] узких черных глазах просвечивалась отвага’. Актуальный смысл подобных конструкций направлен на оценочную интерпретацию не столько происходящей ситуации, сколько на психологическое состояние и поведение мужчины. При этом ситуативное проявление внешней характеристики мужчины не разрушает его стереотипный образ.

Помимо соматической лексики, в конструировании образа мужчины в экстремальных ситуациях используются также наименования одежды и их частей: *Чурт ээзі сарсых ніңі үзе тартылган көгенектіг,*

көксін хыылада тынып ала, Ягорзар кизилер аралы хазыр көріснең олаңнап килген. Аның холлары, мойны, тохчах сырайы – прай тырбахтат салган полганнар. Сарыг тістерінде хан көрінген (Кх, 18) ‘Хозяин дома, **в рубашке с оторванным рукавом**, тяжело дыша, со злостью в глазах приблизился к Ягору сквозь толпу людей’. Как видим, образ хакасского мужчины может быть и динамичным, в зависимости от социальных условий и ситуаций.

В художественном портретировании мужчины-хакаса немаловажное значение имеет и его возраст, представляемый средствами различных языковых уровней. Ключевым словом является здесь число в сочетании с лексемой *час* ‘лет’. При этом обычно упоминается приблизительный возраст: *хырых часха чагын* ‘около сорока лет’, *алтон час ас парган* ‘переваливший шестьдесят лет’ и т. д. **Читон часха хаап таа парган полза, пу апсах Фёдор Павловичке чиит кизи чили пілдірген. Аның тістері, аллыг хатхырза, хазарыза түсчеткеннер** (Ыа, 23–24) ‘Этот старик, хоть и достиг **семидесяти лет**, Фёдору Павловичу казался молодым. Когда [он] широко улыбался, его белые зубы блестели’. Часто для выражения приблизительного возраста используются числительные приблизительного счета, образованные путем присоединения *-ча / -че*; *-ча / -че* к основе количественного числительного, например: *отысча частыг* ‘примерно тридцать лет’, *илігче частыг* ‘примерно пятьдесят лет’ и др.; *Хол мылтыгын чогар тазыладыбызып, чабал табыснаң орли түскен чибіргіче частыг оол* (Кх, 16) ‘Выстрелив из нагана в воздух, парень **лет двадцати** заорал страшным голосом’.

В следующих предложениях при акцентировании возраста мужчины используются лексемы, указывающие на жизненную силу и энергию этого возраста. Лексема *күзіндегі* (букв. в его силе) отсутствует в «Хакасско-русском словаре» [2005], но, на наш взгляд, ее можно считать самостоятельной лексической единицей, поскольку она частотна в речи и используется исключительно по отношению к мужчинам. Данное слово символизирует определенный (средний) возраст, когда человек бывает наиболее трудоспособным, здоровым, физически крепким и энергичным. *Аксин – ол хырых ас парган күзіндегі кизи, Илонаның, Ах кістерөк хызының, ирі* (Кх, 16) ‘Аксин – переваливший сороколетний возраст мужчина в расцвете сил. Он муж Илоны, женщины тоже из рода Ах кистер’. Лексема *мирчең* ‘упрямый; непробиваемый; невозмутимый’ также имплицитно подразумевает признак жизненной силы и крепости духа: *Олакай, мирчең, хырых азыбысхан ирен, абахай хызының алнына тынын сала турысхан* (Кх, 16) ‘Олакай, невозмутимый мужчина, переваливший за сорок лет, был готов отдать свою жизнь, заступаясь за свою красавицу-дочь’.

В обозначении возраста мужчины используются также определения: *чиит* ‘молодой’, *киир* ‘старый’, *кичиг* ‘маленький’, *частан парган* ‘старый’, *улгаат парган* ‘пожилой’ и др. *Сакис, прайзынаң даа чиит, ныхтам сынныг полган. Анаң, адына хамчы саап, улуг чүгүрістөк изер үстүнең иб хыринзар сегірібіскен. Чибек хурынаң паза хызыл ис көгенеенең түүк үстүнде чалбыри турыбызып, ол пазох хыйгы пир сыххан. Махалыг, хал тутхынчы полган ол* (Кх, с. 9) ‘Сакис был **моложе всех**, плотного телосложения. Ударив плеткой коня, на большой скорости спрыгнул с седла возле юрты. В развевающейся на ветру красной рубашке с шелковым поясом, стоя на тюке, он снова бросил клич. Он был буйным и отважным похитителем (невест)’. *Пис чыл мының алнында оларның пабалары, чиит, күстіг, тик пүдістіг иреннер, анынаң хада хаңаалыг райвоенкоматсар чол тутханнар* (Ит, 14) ‘Пять лет назад их отцы, **молодые**, сильные, крепко сложенные мужчины, вместе с ним на лошадях держали путь в райвоенкомат’. – *Рус мин пілбинче, – ипчизер көрбин дее чоохтанган хызыл пулгах чиит оол* (Ыа, 27) ‘– Русский я не знает, – даже не взглянув на женщину, сказал розовощекий **молодой** парень’. В приведенных примерах можно выделить синонимичные выражения *ныхтам сынныг* ‘плотного телосложения (букв. с плотным, крепким ростом)’, *тик пүдістіг* ‘крепко сложенный (рост)’, которые так же, как и рассмотренные выше лексемы *күзіндегі* (букв. в его силе) и *мирчең* ‘упрямый; непробиваемый; невозмутимый’, апеллируют к зрительному оценочному восприятию силы, крепости и энергии мужчины. К лексемам, характеризующим внешний облик мужчины, мы относим также прилагательное *күстіг* ‘сильный’, смысловый синкретизм которого заключается в выражении как внутренней, так и внешней силы. *Адал халар ба күстіг Сапонның ады* (Кх, 16) ‘Останется ли имя **сильного** Сапона в народе?’. *Кабрүс ле, чоон, күстіг ирен, хой пазынча хырлыг тас хаап алып, хабыргали тогыртын*

наганныг оолзар көөлчө чагдаан (Кх, 18) – Только Кабрус, крупный, **сильный** мужчина, взяв камень величиной с овечью голову, прячась, незаметно, боком приближался к парню с наганом’.

Субъективное восприятие образа хакасского мужчины передается глаголом *көр* = ‘смотреть; видеть’: *Ол піди көрзөң, ниее чарабас арах ла оолгыцах полган. Сіліг дее ниеес, погда даа ниеес* (Ит, 154) ‘**Если посмотреть** на него со стороны, он казался таким ничемным мальчиком. И не красив, и не здоров (т. е. низкого роста)’. *Тис, тис, пицечеем, мин Олакайны көр полбинчам. Талтах, ирні халбах* (Кх, 11) ‘Убегай, убегай, [моя] сестрица, я **не могу смотреть** на Олака. Косолапый, с толстыми губами’. Здесь видим оценочное отношение языковой личности или говорящего к образу мужчины, которое может в некоторой степени строиться и на объективных данных (*сіліг дее ниеес, погда даа ниеес* ‘и не красив, и не здоров (т. е. низкого роста)’, *талтах* ‘косолапый’, *ирні халбах* ‘[его] губы толстые’ и др.). В семантику глагола *көр* = ‘смотреть; видеть’ включается сложная разновидность зрительного восприятия – впечатление, которое производит на говорящего или же другого персонажа художественной литературы внешний вид человека (в нашем случае мужчины). В следующем предложении: – *Эй, син, Данияр полдың ма? Тастынаң иренге төййің, чол паста!* (Д, 20) – ‘Эй, ты же Данияр, да? **На вид [ты] похож на мужчину**, иди вперед (букв. начинай путь)!’ также реализуется признак зрительного субъективного восприятия, впечатления. При выпадении глагола *көр* = ‘смотреть; видеть’ с аффиксом условного наклонения (*тастынаң көр=зе* ‘если смотреть по внешнему виду’) ключевой единицей остается здесь *тастынаң* ‘на вид; по внешности’. В целом же, предложение *Тастынаң [көрзе], иренге төййің* ‘На вид [ты] похож на мужчину’ обнаруживает прагматический аспект субъективного впечатления: судя по внешнему виду, этот человек обладает всеми мужскими качествами. Выразительно и точно передать общее приятное впечатление о мужчине, обладающем всеми мужскими качествами, может прилагательное *сіліг* ‘красивый’. *Пір хыс: «Йо, хайдаг сіліг оолахтыр» тіп, андар пас парып, хучахтирге сыыныбысхан* (Ит, 155) ‘Одна девушка, сказав: «Ой, какой **красивый** мальчик», подойдя к нему, захотела его обнять’. Однако прилагательное *сіліг* ‘красивый’ обычно применяется для характеристики женщин и девушек.

Таким образом, в результате рассмотрения внешнего образа хакасского мужчины с позиций когнитивной семантики и лингвокультурологии приходим к следующим выводам:

- поскольку статья основана на материале хакасских художественных произведений, где стереотипный эталон образа мужчины является вымышленным, соответственно, все средства его характеристики и описания входят в систему литературных образов;

- в ходе лингвосмыслового анализа текстов художественных произведений выявлено, что образ хакасского мужчины репрезентируется различными разноуровневыми языковыми средствами, чаще синтаксическими и лексическими;

- в описании внешнего облика хакасского мужчины акцентируются следующие смысловые детали: рост, физическая сила, возраст, одежда, черты лица;

- в описании внешности мужчины, находящегося как в обыденной бытовой обстановке, так и в экстремальных ситуациях, особую значимость приобретают включенные в дискурсивный контекст соматизмы в совокупности с характеризующими словами;

- наиболее значимыми в словесном портретировании хакасского мужчины являются ключевые единицы: *сынныг* ‘с ростом’, *хара сас* ‘черные волосы’, *хара харахтар* ‘черные глаза’, *хара сагаллыг* ‘с черными усами (бородой)’, *час* ‘лет (о возрасте)’, *чиит* ‘молодой’, *киир* ‘старый’ и др. Субъективное восприятие образа хакасского мужчины передается глаголом *көр* = ‘смотреть; видеть’;

- эталон хакасского мужчины обусловлен его физической привлекательностью, национально-специфические параметры которой определяются внешним проявлением силы (*күстіг* ‘сильный’) и здоровья (*погда* ‘здоровый, крупный’, *хызыл пулгах* ‘пышущий здоровьем’, соотв. русск. *кровь с молоком*).

### Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 2-е изд., испр. 896 с.
- Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
- Бахтин М. М. Проблема текста: опыт философского анализа // Вопросы литературы. 1976. № 10. С. 308.
- Рубцова С. П. Художественный текст как предмет понимания в лингвистике и философии // Вестник ВГУ. 2017. № 4. С. 54–68.
- Саликова Н. А. Соматизмы в портретных описаниях в романе Джоан Роулинг «Гарри Поттер и Орден Феникса» // Мова і літаратура ў XXI стагоддзі: актуальныя аспекты даследавання: матэрыялы II Рэсп. навук.- практ. канф. маладых вучоных. Мінск. 22 сак. 2013 г. / Адк. рэд.: П. І. Навойчык; Беларус. дзярж. ун-т. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2013. С. 244–248.
- Художественный текст: онтология и интерпретация: Сб. статей / Саратовский межрегиональный центр по изучению художественного текста, Саратов. гос. пед. ин-т им. К. А. Федина. Под ред. Б. Л. Борухова, К. Ф. Седова. Саратов, 1992. 163 с.

### Список текстовых источников

- Д Айтматов Ч. Джамия. Повестьтер. (На хакасском языке). Аґбан: хакас книга сыгарчан. 1992. 240 с.
- Ит Татарова В. К., Топоев И. П., Чапрай (Котожеков) А. И. и др. Иртенгі тан (Утренний ветерок). Повесть и рассказы на хакасском языке. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва. 1986. 184 с.
- Кх Нербышев Каркей. Көгім хорымнарда. (У синих утесов). Роман. Пастағы книга. Аґбан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1983. 207 с.
- То Бурнаков Ф. Тигір оды. Повесть. Аґбан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1977. 138 с.
- Ыа Доможаков Н.Г. Ыраххы аалда. Роман. Абакан: Хакас. отд. Красноярского книж. изд-ва. 1975. 255 с.
- Чх Костяков И. Чібек хур. Роман. Аґбан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1989. 232 с.

### References

- Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of a man]. Moscow, LRC Publishing House, 1999, 2nd ed., corr., 896 p. (In Russ.).
- Apresyanyan Yu. D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [The image of a man according to the language data: An attempt of systemic description]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1995, no. 1, pp. 37–67. (In Russ.).
- Bahtin M. M. *Problema teksta: opyt filosofskogo analiza* [The problem of text: the experience of philosophical analysis]. *Voprosy literatury*. 1976, no. 10, p. 308. (In Russ.).
- Khudozhestvennyy tekst: ontologiya i interpretatsiya [Artistic text: ontology and interpretation]. In: *Sbornik statej [Collected papers]*. In: *Sbornik statej. Saratovskiy mezhregional'nyy tsentr po izucheniyu khudozhestvennogo teksta, Saratovskiy gos. ped. in-t im. K. A. Fedina* [Saratov interregional center for the study of literary text, Saratov state pedagogical Institute named After K. A. Fedin]. B. L. Borukhov, K. F. Sedov (Eds). Saratov, 1992, 163 p. (In Russ.).
- Rubtsova S. P. *Khudozhestvennyy tekst kak predmet ponimaniya v lingvistike i filosofii* [Artistic text as a subject of understanding in linguistics and philosophy]. *Vestnik VSU*. 2017, no. 4, pp. 54–68. (In Russ.).
- Salikova N. A. *Somatizmy v portretnykh opisaniyakh v romane Dzhoan Rouling "Garri Poter i Orden Feniksa"* [Somatisms in the portrait descriptions in Joan Rowling's novel "Harry Potter and the order of the Phoenix"]. In: *Mova i litaratura u 21 stagoddzi: aktual'nyya aspekty dasledavannya: materyyaly 2 Resp. navuk.- prakt. kanf.*

*maladyh vuchonyh*. Minsk. 22 sak. 2013 g [Language and Literature in the 21th Century: Current Aspects of Research: Materials of the 2nd Resp. sci.-prakt. conf. of young scientists. Minsk. 22 March, 2013]. P. I. Navoychyk (Ed. in. ch.); Minsk, Vyd. centr BDU, 2013, pp. 244–248. (In Russ.).

*Материал поступил в редколлегию*  
*The manuscript was submitted on*  
09.06.2020

### Сведения об авторе

*Чертыкова Мария Дмитриевна* – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. (Абакан, Россия)

E-mail: chertikova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7467-4388

Researcher ID R-8898-2016

### Information about the Author

*Maria D. Chertykova* – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Research and the Sayan-Altai Turkology of Katanov Khakass State University (Abakan, Russia)

E-mail: chertikova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7467-4388

Researcher ID R-8898-2016